

Вечером Вэй Чэн согрел большой котел воды — пришла пора и самому отмыться, и брата искупать. Последние дни они провели, считай, по локоть в земле, и пот лил ручьями. Еще немного, и от них бы пошел тяжелый дух, а ведь завтра предстояло везти Горшочка в город, навестить Старую госпожу Ли.

Убедившись, что вода в кадке в самый раз, юноша позвал:

— Горшочек, пора мыться!

Он подошел к кану, подхватил голыша-брата на руки и бережно опустил в чан. Малыш тут же забавно прикрыл пухлый животик ладошками, не давая брату на себя смотреть.

— А наш Горшочек-то вырос, — рассмеялся Вэй Чэн. — Гляди, какое брюшко наел.

Тот лишь обиженно отвернулся и засопел:

— Не смотри, братик!

— Хорошо-хорошо, не смотрю.

Юноша распустил волосы брата, смочил их теплой водой и, взяв плоды мыльного дерева, что дала Матушка Доумяо, принялся осторожно намыливать голову. Младший же всю радувался воде: он то и дело дрыгал ножками, поднимая каскады брызг.

— Братик! — весело воскликнул мальчик. — Горшочку... нравится мыться!

— Значит, будем купаться часто. Зимой-то нельзя — не ровен час простудишься и жизнь потеряешь от лихорадки. А вот через пару месяцев, когда настанет лето и пот будет катиться градом после каждого шага, станем мыться хоть каждый день.

Горшочек оперся пухлыми ручонками о край кадки:

— И Синьэра... тоже помоем.

С приходом весны холода отступили, и Вэй Чэн больше не пускал волчонка спать в доме. Он устроил ему теплое, защищенное от ветра логово прямо у порога хижины.

— И Синьэра помоем, только подождем еще пару дней, когда потеплеет.

Вэй Чэн зачерпнул ковш воды, чтобы смыть пену:

— Закрой глаза покрепче. Смотри, чтобы мыло в глаза не попало.

Малыш послушно зажмурился и изо всех сил прижал ладошки к лицу, задрал голову:

— Так, братик?

— Да, именно так.

Теплая вода мягко смыла пену. Вэй Чэн еще раз прошелся мочалкой по телу брата, а закончив, быстро обернул его сухим полотенцем, вытирая кожу и волосы. В мгновение ока малец был перенесен на кан и плотно укутан в ватное одеяло, так что наружу торчала только разругавшаяся сонная мордашка.

— Ну что, легче стало после купания? — улыбнулся Вэй Чэн.

— Хорошо-то как...

Горшочек завозился в своем коконе:

— Горшочек хочет... братику голову помыть.

Вэй Чэн лишь плотнее подоткнул одеяло, чтобы малец не выпутался:

— Братик сам справится. А ты лежи смирно и не вздумай бегать голышом, а не то заболеешь, и придется пить горькие снадобья.

Услышав про лекарства, Горшочек тут же притих:

— Ладно.

Вэй Чэн подлил в кадку горячей воды и сам погрузился в нее, невольно издав вздох облегчения.

Эти две недели выжали из него все соки, но теперь, когда он видел, что и на полях, и за домом семена легли в землю, усталость сменялась глубоким удовлетворением. Теперь, поймают они зимой Золотышей или нет, у них с братом будет и зерно, и овощи. Голод им больше не грозил.

Закончив мыться и обтеревшись, юноша обернулся и увидел, что Горшочек уже крепко спит.

Вэй Чэн тихо подошел, натянул на него чистую нижнюю рубашку, поправил одеяло и уложил поудобнее.

— Братик... — едва слышно пробормотал малыш во сне, не размыкая глаз.

Старший брат невольно улыбнулся.

«Надо же, сны видит»

Он ласково погладил Горшочка по плечу и, дождавшись, когда его дыхание станет ровным и спокойным, сам улегся рядом.

Следующим утром первым делом Вэй Чэн вынес из дома воду и вымыл кадки. Затем он запарил отруби, смешал их с мелко рубленной травой и задал корм цыплятам в загоне.

Поначалу он думал, что если выживет хотя бы половина, то и на том спасибо — в первые дни птенцы гибли один за другим, и юноша с болью в сердце подсчитывал убытки. Однако за полмесяца цыплята заметно окрепли. Считая того самого «избранного», за которым Горшочек следил особенно ревностно, их осталось пятнадцать — бодрых, шумных и вечно голодных. Всего же с того времени он потерял шестерых птенцов.

Матушка Доумяо как-то заходила взглянуть на них и определила, что среди выживших двенадцать курочек и три петушка. Когда те подрастут, их придется рассаживать.

Завтракали сегодня жидкой пшенной кашей и паровыми пирожками с зеленью. Эти пирожки тоже дала Матушка Доумяо. В последние дни братья были так заняты работой в поле, что им некогда было готовить, поэтому она, принося им обед, специально делала несколько лишних штук для Вэй Чэна и малыша.

Сегодняшняя поездка в город была делом важным: нужно было не только навестить Старую госпожу Ли, но и купить ответные подарки для семей Ма и Ли, которые так выручили их с пахотой. Братец Доумяо сказывал, что Мясник Ма ради их поля даже отложил работу в соседней деревне. А Ли Саньлана и Братца Цю сам дядюшка-староста прислал на подмогу, хотя у него самого земли — не обернешься.

Народу на воловьей повозке сегодня было немного — почти все сельчане были заняты севом. Вэй Чэн с братом едва успели занять места, как увидели двух путников, спешащих к ним. Это были Фан Вэнь и Вэй Чжи.

Поговаривали, что в этом году Вэй Чжи на экзаменах не стяжал никакой славы, а Фан Вэнь и вовсе не допустили к испытаниям. Тот скандал на Новый год, когда мальчишка подглядывал в

цель за старшими, наделал много шума. Никто из достойных учителей не пожелал поручиться за него, и путь к знаниям для него закрылся.

Всю дорогу до города путники хранили угрюмое молчание, слушая лишь скрип колес и ленивое фырканье вола. Стоило повозке остановиться у ворот, как, отдав монеты, они поспешили разойтись в разные стороны.

— Братик, а что мы... купим бабушке? — Горшочек потянул Вэй Чэна за руку.

Юноша и сам пребывал в раздумьях:

— У Старой госпожи Ли, верно, и так всего в достатке. Но мы не можем явиться с пустыми руками, ведь она столько добра нам прислала.

Они и сейчас были одеты в те самые добротные вещи, что подарила им госпожа.

Поскольку приехали они рано, лавки только открывались. Вэй Чэн не спеша прошелся по торговым рядам и выбрал два свертка нарядных сладостей с каллиграфическим пожеланием «Счастья и Долголетия». В чайной лавке «Жуи» он взял две упаковки отличного нового чая, а в Зале Цзиминь купил две упаковки полезных гостинцев: ягоды годжи и гвоздичную хурму.

За всё про всё пришлось отдать несколько сотен монет. Но Вэй Чэн не жалел серебра — если бы не слово госпожи Ли, разве получили бы они ту награду от уездного судьи? Так что эти траты были лишь малой толикой благодарности.

Купив всё необходимое, братья направились к Южной улице, где располагалось поместье Ли. У самого входа они увидели небольшие носилки, выплывающие из переулка. Рядом бежал мальчишка-слуга, причитая на ходу:

— Второй молодой господин! Помилуйте, не спите! Сегодня же экзамен! Хоть разок в книгу загляните... Если снова провалитесь, Учитель Чжугэ велит Старой госпоже вас розгами проучить!

Вэй Чэн вежливо постучал в высокие ворота. Калитка тут же приоткрылась, и показался стражник:

— Кто такие? Зачем пожаловали?

Юноша достал из-за пояса памятную деревянную плашку:

— Я Вэй Чэн из деревни Маоси. Мы со своим младшим братом многим обязаны Старой госпоже Ли и сегодня пришли осведомиться о её здоровье.

Увидев знак, стражник тут же сменил тон на приветливый:

— Подожди здесь, малец, я сейчас доложу.

Вскоре послышались торопливые шаги, и ворота распахнулись шире. К ним вышла та самая длиннолицая служанка, что привозила дары на Новый год.

— Ах, наконец-то вы пришли! — просияла она. — Старая госпожа уже не раз о вас спрашивала. Всё гадала: правду ли детки сказали, что весной заглянут, или просто стариковское сердце тешили?

— После зимы мы всё время в полях провели — закупали землю, сеяли, — пояснил Вэй Чэн, пока они шли по двору. — Как только закончили с севом, так сразу к госпоже и поспешили.

Служанка удивленно приподняла брови:

— Землю закупали? Но ведь после твоего отца должны были остаться наделы. Зачем тратить серебро на новые?

Вэй Чэн не хотел вдаваться в подробности их семейных распрей, не желая казаться жалобщиком:

— Полей у нас и так было немного, да почти всё пришлось продать, когда батюшка занемог — на лекарей да снадобья ушло.

— Вот оно как... — сочувственно вздохнула женщина.

Вступив в поместье Ли, братья невольно замерли. Вэй Чэн и Горшочек прежде видели только каменный двор старосты в своей деревне, и красоты городского поместья — с его садами, искусственными горками и извилистыми галереями — поразили их до глубины души.

Служанка ввела их в просторную горницу и громко возвестила:

— Старая госпожа, посмотрите, кто к нам пожаловал!

Госпожа Ли в это время просматривала счетные книги. Она обернулась и на миг застыла в изумлении, пока Горшочек — маленький и мягкий — не подбежал к ней и не прижался к её коленям, ласково окликнув:

— Бабушка!

— Ах ты ж, егоза! — Госпожа Ли с улыбкой погладила малыша по щеке и взглянула на Вэй Чэна. — Наконец-то вы вспомнили о старухе.

Служанка поспешила объяснить задержку, и госпожа Ли, выслушав её, покачала головой:

— Хоть ты и рослый парень, и силой не обижен, но ведь тебе всего девять лет. Негоже так надрываться, беречь себя надо.

— Нам дядюшка-староста деревенский помогал, да и соседи не оставили, — поспешил заверить её Вэй Чэн. — Если бы не их подмога, мы бы еще долго до вас добирались.

— Добрые люди, светлые души, — растроганно произнесла госпожа Ли.

Юноша почтительно протянул ей свертки:

— Мы не знали, что вам по вкусу, потому выбрали самое простое и полезное. Не обессудьте, если подарки покажутся скромными.

Госпожа Ли бросила взгляд на печати на оберточной бумаге и нахмурилась:

— Только-только серебро на землю потратили, и снова в расходы влезли? У бабушки и так всё есть, забирайте это немедленно...

Длиннолицая служанка вмешалась:

— Госпожа, примите дары на этот раз. Дети от всего сердца старались. А если в следующий раз придут не с пустыми руками — я их просто на порог не пущу!

Вэй Чэн тоже улыбнулся:

— Бабушка, примите, пожалуйста. К тому же, — он взглянул на брата, — Горшочек сам помогал выбирать.

— Взаправду? — Госпожа Ли коснулась ладошки малыша. — Ну-ка, скажи бабушке, что тут твоё?

Горшочек сладко пропел:

— Вот эти пахучие лепешки... и красные маленькие ягодки!

Речь шла о сладостях и ягодах годжи. Госпожа Ли рассмеялась:

— Ох, и мастер же этот малец подарки выбирать!

После таких слов отказываться было уже невозможно. Слуги подали сладости и напитки, которых братья прежде никогда не пробовали. За разговорами пролетело полчаса, и вдруг Старая госпожа Ли спросила:

— Паренек Чэн, я вижу, ты рассудителен не по годам. Не хочешь ли пойти в ученье?

Вэй Чэн не стал лукавить и ответил прямо:

— Я как раз хотел спросить вас об этом. Помню ваши слова, что если надумаю пойти в школу Хуэйлинь, то могу на вас рассчитывать. Чинов мне не надобно, а вот грамоту знать хочется. Чтобы и в делах, и в торговле никто не мог меня обмануть.

Госпожа Ли одобрительно кивнула:

— Что ж, зачем откладывать? Пойдемте, я сама провожу вас в школу Хуэйлинь, присмотритесь там ко всему.

Горшочек, допив сладкий отвар из боярышника, спросил:

— Горшочек... тоже будет учиться?

Госпожа Ли улыбнулась:

— Конечно. Твой брат будет — и тебе надобно.

Личико малыша мгновенно вытянулось, а напиток перестал казаться вкусным. Он кубарем скатился с кресла и подбежал к Вэй Чэну:

— Братик... Горшочек думает, что не знать буквы — это очень хорошо. Давай не пойдем, а?

Вэй Чэн погладил его по голове и улыбнулся.

«Еще и за порог не ступил, а уже учиться не хочет. Что же будет дальше?»

— Так не пойдет. Как минимум, ты должен уметь писать своё имя.

Горшочек задумался, а затем взглянул на Старую госпожу:

— Бабушка... а как пишется имя Горшочка?

У госпожи Ли под рукой как раз были кисть и тушь. Она с улыбкой вывела два иероглифа и велела служанке показать их ребенку.

Горшочек в полном недоумении уставился на свиток. Затем он в ужасе вцепился в ногу брата:

— Братик... давай Горшочку другое имя найдем!

«Почему его имя выглядит как две страшные кучи черных, обгоревших дров? — Горшочек был по-настоящему напуган. — Оно же выглядит просто ужасно!»

<http://bllate.org/book/15346/1379214>